

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ КОНЧИНЫ МАТУШКИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

10 февраля Леушинская обитель совершала память почившей высокочтимой матушки игумении Таисии, в сороковой день по кончине ее. Накануне в шесть часов вечера был совершен парастас при стройном пении сестер обители местным причтом, при участии прибывших из Петрограда священников Николая Гронского и Федора Окунева. После парастаса совершена панихида в храме, а в полуночный час — келейной молитвы (почившая имела обычай в этот час молиться за души вверенных ее попечению инокинь и о своей немощи) совершена была панихида в покоях, где скончалась матушка. Священник отец Николай Гронский сказал при этом краткое поучение на слова «се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща».

В сороковой день служили литургию Преждеосвященных Даров двенадцать священников при двух монастырских диаконах. По окончании литургии священником Николаем Гронским произнесено было слово о почившей, которую он близко знал, прослужив семнадцать лет при церкви Петроградского Леушинского подворья. Это было в те годы, когда так ярко сияла жизнь пастыря-молитвенника отца Иоанна Кронштадтского, которому по праву почившая была другом, родная по духу.

Вот это слово:

«Ровно девять лет тому назад, почти в этот же день, Господь судил мне быть здесь, в святой обители, вместе с братом отцом Федором, и приветствовать досточтимую матушку игумению, покойную теперь, с днем ее славного двадцатипятилетнего юбилея.

То был торжественный и радостный для всех нас день. С верой в Бога, с верой в будущее вступала она в дальнейшую свою трудную миссию — еще послужить по мере своих сил на пользу Святой Церкви и родной обители.

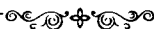
Но уже и тогда, переступив порог своей жизни, ее первую половину, в душе матушки закралась тревожная мысль — что время идет к закату дней. И вот она пишет духовное завещание, завет вам, сестры: какое богатство добродетелей оставляет вам в наследие на вечные времена! Все вы знаете уже это завещание почившей. Как много говорит оно нашему сердцу, какой могучей верой в Бога веет от него, сколько тепла и ласки разливается в родные ей сердца! И ни тени похвалы себе, а все сделанное ею за четверть века она приписывает лишь Одному Богу, славе Его святого Имени.

Неугасимо горело ее сердце, горело усердием к делу Божьему и свету Христову... Усопшая строила, благоукрашала храмы, строила школы и малых сих вела ко Христу путями учения и воспитания. Богатая умом и искренняя душой она воспитывала молодые, юные души посвятивших себя на служение Богу, избранниц Божиих.

Особенно заботило усопшую воспитать в душе человеческой ревность к делу спасения, успехам в деле этом она особенно радовалась.

Не зная усталости, в постоянных хлопотах, усопшая находила время для уединенных размышлений — о Боге, о деле спасения, о душе и свои думы изливала в стихах, дышащих любовью к Богу и теплотой веры.

В своем деле усопшая не знала препятствий, умела их преодолевать, и раз начатое всегда доводила до конца.

Взгляните на эту прекрасную обитель и все ею, ее душой созданное.

Воистину можно сказать, что покойная “подвигом добрым” подвизалась.

Помню я, с какой радостью она принимала батюшку отца Иоанна Кронштадтского, часто беседовала с ним о вопросах религиозных, ее волновавших, и получала утешительный ответ великого пастыря. За ее ревность и батюшка с любовью и уважением всегда к ней относился. Кто знал почившего праведника, те не преминут сказать, как близка ему по духу была игумения Леушинского монастыря, матушка Таисия.

Я помню приезды батюшки к нам на подворье, сам жил в той славной семье, в те счастливые годы, когда толпы народа стекались в храм ради дорогого пастыря. А матушка была другом его и ласковой хозяйкой к гостям. Глубоко уважал старицу игумению обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер.

Не безызвестно, что почившая была обласкана милостью Царственного помазанника и несколько раз принята в Августейшей семье. Да всего и не расскажешь, что переживешь с такими выдающимися людьми, чему радуешься и чем услаждаешься, и я не в силах полностью воздать должное, о том будут написаны книги, и в книге о почившей будет сказано: “Святая труженица инокиня Таисия насадила этот прекрасный виноградник, — святую Обитель, который дает прекрасные плоды свои”. А мы, братья и сестры, по мере данных нам сил, будем поддерживать его, ухаживать и растить его. Принесем от чистого сердца нашего Господу Богу святые плоды: послушание Его святым заветам и любовь к меньшим и слабым братьям и сестрам нашим, и еще — свято исполним завет, оставленный нам дорогой матушкой, сохраним преданность, крепкую преданность Святой Церкви.

Ко Христу, Которому всю жизнь служила, отошла наша добрая старица. Но не скорбите, сестры, — все в руце Божией: и жизнь, и смерть наша. Что сказала бы нам почившая, если бы

еще могла говорить оттуда? — “Други, други мои, — сказала бы нам матушка, — вы скорбите, но не забудьте, что на все есть Божие произволение, было оно и обо мне. Други, вы скорбите, что я ушла от вас. Да что же делать-то?”

Дошел ли путник до конца пути своего, или еще многое впереди осталось ему...

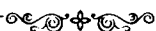
Что делать этому путнику, когда утомился он, не может сделать ни шагу вперед более. Доработал ли пахарь до конца свою ниву, или нет, но утрудился он. И как спросишь с него, что еще не работает, когда видишь, что силы уже отказались служить ему.

Итак, не скорбите *якоже не имущие упования*... Или ныне скорбите. Как не скорбеть, ведь люди же, люди мы! Скорбите же, что утратили хорошего человека, это свойственно человечеству нашему, но и Бога благодарите, что вам дано было иметь его. Если любили и ценили его, соблюди своей собственной душой, своей жизнью, что он завещал тебе, будь так же предан Церкви Святой, будь ко всем благожелателен.

И еще одно завещает нам эта угодница. Кто бы ни был, как бы крепок и здоров ни был, знай, что здесь на земле, не имеешь ты города, пребывающего вовеки, что смерть и тебя может посетить, когда ей будет угодно. Помни об этом, будь внимателен к себе и своим обязанностям, чтобы не отойти тебе в новый мир неготовым. Будь же готов принять там воздаяние за все, что сделал здесь.

Мы отдали, братья и сестры, земле земное. Но отдали так, как вверяет земле садовник семена дорогих растений, как пахарь вверяет ниве зерна пшеницы. Пусть примет она и покоит в себе до дня судного это тленное, чтобы во время свое возростить нетленное: *сеем в тление*, по слову святого апостола, чтобы *восстать в нетлении* и славе.

Господи, Ты призвал к Себе утружденных и обремененных. Вот раба Твоя пришла к Тебе. Кто может чист остаться, когда потребуешь Ты во всем отчета Себе?

Покрой же немощи рабы Твоей усопшей игумении Таисии Твоей милостью. Она утрудилась от пути своего. Дай же ей прибежище у Святого Престола славы Твоей, Христе.

И в этот день сороковой со дня ее кончины мне хочется, чтобы вы, сестры, вспомняв ее светлый образ, ее труды, не только помолились об упокоении почившей, но и решили твердо творить, как делала она, высоко держать в руке лампаду, полную елеем веры, быть всегда готовым на доброе делание. Глубоко верю, что Господь Милосердный с Отеческой любовью примет верную рабу Свою, так много потрудившуюся на земле к славе Его святого Имени, и упокоит в Своих небесных обителях».

После произнесения означенного слова, служили панихиду у гробницы матушки (гробница находится в самом храме, в правом приделе, вблизи от солеи) и перед возглашением вечной памяти другой священник отец Федор Окунев, родственник покойной, сказал теплое, душевное слово, в котором излил чувства личной скорби. Многие из присутствующих при этом прослезились. Так говорил он:

«Итак, что мы все смутно предполагали, чего мы все трепетно ожидали, чего мы все боялись — сбылось, свершилось: осиротела обитель Леушинская, не стало нашей дорогой, всеми любимой и всеми уважаемой матушки игумении Таисии!.. Ушла она из мира дольного, ушла туда, где несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Холодные плиты скрыли ее многотрудное тело. И вот, тесной семьей, соединенные общей скорбью, окружаем мы ее могилу. Да, уже нет тебя с нами, дорогая матушка! А давно ль, давно ль дарила ты нас своим ласковым взором и утешала нас своим мудрым словом? Давно ль и я лично беседовал с тобой, давно ль я был свидетелем твоих страданий, которые ты, с мужеством и с верой в Бога, безропотно переносила? Помню, как рвалась ты к нам, в Петроград, в дорогой твоему сердцу храм апостола Иоанна Богослова. И, вот твое желание осуществи-

лось... В небесный кров Иоанна Богослова переселилась душа твоя, — этого апостола любви Христовой, которую ты особенно воплотила в своей жизни. И эта самая любовь, собравшая и нас к твоему гробу, говорит нам, что жив Бог, жива и душа твоя и, что хотя телом своим ты оставила нас, но духом своим ты с нами, и слышишь, и видишь нас. Вот перед твоей могилой, как перед тобой, стою я, исполненный тоской разлуки; стою я, много раз испытывавший на себе любовь твою... Что же сказать мне в благодарность и признательность тебе в эту горькую минуту? Каким надгробным словом почтить твою блаженную кончину? Делаю ли твоим мне удивляться? Но для этого бессильно слабое слово мое. Сами дела говорят за тебя. Назиданием ли для окружающих исполнить слово свое? Но как мне, слабому и неопытному, учить и назидать других, когда твоя могила безмолвная красноречивее и назидательнее моего слова? Нет, но пусть будет мое слово, как бы скорбным венком на твою могилу. И как венок служит как бы выражением душевного состояния того, кто его возлагает, так и мое слово пусть будет отображением того чувства, которое сейчас наполняет мою душу. А это чувство есть, во-первых, чувство любви и благодарности к тебе, а во-вторых, чувство скорби, печали и смущения. Как дети начинают ценить любовь родителей особенно тогда, когда лишаются их, и с их смертью понимают всю тяжесть невозвратной утраты, так и для меня с твоею смертью становится особенно чувствительна вся горечь разлуки. И эта тяжесть усиливается еще тем, что некоторые обстоятельства лишили меня возможности проститься с тобой. И, вот, с того самого дня, как эти плиты скрыли твое тело, покрылось и мое сердце скорбью и печалью. Тоскует душа моя, ибо я вижу теперь, как сильна была твоя любовь ко мне, и как мало ценил и понимал я тебя. Тоскует душа моя, потому что не дал я тебе последнего прощания, и горсти земли не бросила на гроб твой рука моя... Но где мне найти успокоение, как не на твоей могилке, ибо я верю, что сильнее смерти любовь твоя, не прекратится

она и за гробом, и в силу этой любви я говорю тебе: «прими мое последнее прощание, родная, прости и благослови меня, жену и детей моих...»

Слыша столь скорбные слова, слова сердечной печали, чувствовалось, что действительно осиротели дети без матери и только сознание, что с ними она будет и после смерти, как обещала «не оставлять», облегчало эту душевную скорбь сиротства.

Верит обитель, что и почивший праведник, батюшка отец Иоанн, так часто посещавший ее для отдыха от трудов своих и любовью там гостивший, будет вместе с почившей матушкой-игуменией постоянным и неизменным помощником и молитвенником.

В храме присутствовали все сестры (их до 500 человек) — духовная, ею воспитанная и взрошенная семья, воспитанницы женской церковно-учительской школы, основанной почившей, дети двух церковно-приходских школ, к которым она была душевно расположена и способствовала построению этих школ, крестьяне соседних деревень и приехавшие почтить память дорогой старицы-инокини ее глубокие почитатели.

По выходе из храма был предложен чай в покоях игумении, и затем все гости прошли в общую монастырскую трапезу, где при чтении слова Ефрема Сирина разделили поминальный обед.

В этот день от обители был предложен обед всем собравшимся, которых было около тысячи человек.

И почившая игумения и матушка-казначейка душой всегда были расположены накормить странников и бедняков. И широко знают окружающие и из далеких краев день Ангела и другие замечательные события в обители, когда приходят сюда и живут по несколько дней. Их одевают, кормят, и вымытые, очищенные душой и телом, идут они потом в села и веси и добрым словом вспоминают матушку игумению и ее достойную помощницу.

С грустью в душе разъезжались гости, приехавшие почтить память старицы-инокини. Когда они проезжали старинным, заповедным, монастырским лесом, шумели им многовековые сосны

и навевали тихую грусть, и в этой грусти было душе успокоение, что там, дальше сосен высоких, в небе том, чистом и светлом, обитает дух святой труженицы.

А зелень лесов говорила, что жизнь там цветет и никогда не прекратится, вечно будет цвести...

Тем лесом, бывало, проезжал и батюшка отец Иоанн.

О, сколько дум и молитв наполняло его душу! Возносил он святую молитву за всех и за оставшихся инокинь, ему дорогих, уезжая из родной обители.

Пусть шумят и цветут вечнозеленые, могучие сосны и говорят всякому путнику о вечном пути, который и ему предстоит.

На подворье в Петрограде также был совершен накануне сорокового дня парастас; служили парастас почитатели матушки-игумении священнослужители: митрофорный протоиерей (ныне протопресвитер) отец Александр Дернов, настоятель греческой посольской церкви архимандрит Софроний, протоиерей церкви Главного штаба отец Павел Левашев и священник Иоанновского женского монастыря отец Иоанн Орнатский, положивший начало своего пастырского служения при Леушинском подворье.

Литургию в сороковой день совершал протоиерей церкви Покрова Пресвятой Богородицы отец Дмитрий Любимов, который произнес сердечное слово в память матушки-игумении. За богослужением накануне и в день памяти собрались многие почитатели ее.

И все одной душой и здесь и там — в далекой обители, — и в других храмах, построенных почившей храмоздательницей, молились близкие и родные: о милости Божией, о Царстве Небесном, об оставлении грехов труженицы. И молитва верующих, как фимиам жертвы благодарности, глубокого почтения и любви, возносилась к Престолу Всевышнего, на служение Которому почившая отдала всю свою жизнь.

Да услышит она вожденный глас Спасителя Бога: *благая раба и верная, вниди в радость Господа своего.*